

К 125-летию со дня рождения
Георгия Петровича Федотова
(1886—1951)

Четырнадцатого октября исполнилось сто двадцать пять лет со дня рождения выдающегося русского мыслителя, агиографа и религиозного публициста Георгия Петровича Федотова.

В 1949 году, прочитав в «Новом журнале» одну из самых ярких и резонансных статей Федотова «Народ и власть», Семен Франк писал к нему; «Мне доставило глубокое удовлетворение не обычное достоинство Ваших писаний — литературное их мастерство, тонкость и меткость Ваших суждений — а их моральный пафос, определяющий весь смысл Вашей статьи, чувство национального покаяния. Ваша способность и готовность видеть и бесстрашно высказать горькую правду в интересах духовного отрезвления и нравственного самоисправления есть редчайшая и драгоценная черта Вашей мысли. Вы обрели этим право быть причисленным к очень небольшой группе подлинно честных, нравственно трезвых, независимо мыслящих русских умов, как Чаадаев, Герцен, В<ладимир> Соловьев (я лично присоединяю сюда и Струве), знающих, что единственный путь спасения лежит через любовь к истине, как бы горька она ни была. Роковая судьба таких умов — вызывать против себя «возмущение», которое есть не что иное, как обида людей, которым напомнили об их грехах или приятные иллюзии которых разрушены. Такая реакция, конечно, не должна смущать Вас — это есть естественная судьба всех честных искателей правды и в особенной мере русских — ибо русские меньше, чем кто-либо, склонны уважать независимую мысль и склоняться перед правдой. Замечательно у русских, как склонность к порицанию порядков на родине всегда сочеталась и доныне сочетается с какой-то национальной мистической самовлюб-

© Introduction and publication by Sergei Bychkov, 2011
<http://www.utoronto.ca/tsq>

ленностью. Русский национализм отличается от естественных национализмов европейских народов именно тем, что проникнут фальшивой религиозной восторженностью и именно этим особенно гибелен».

Это письмо было опубликовано там же, в «Новом журнале», в 1952 году, в годовщину смерти Федотова.

Оценка и характеристика данная Франком под впечатлением только что прочитанной статьи, приложима, как нетрудно убедиться, ко всем сочинениям Федотова (разве что с некоторыми *тематическими* поправками).

Двадцатого и двадцать первого октября в Москве, в Доме русского зарубежья им. Александра Солженицына состоялась конференция, посвященная творчеству Г. П. Федотова. С докладами выступили профессор университета Х—Нантер и директор издательства «УМСА-Press» Н. А. Струве, профессор Женевского университета Жорж Нива, немецкий исследователь Владимир Янцен, Татьяна Виторова (Страсбургский университет), российские ученые Владимир

Кантор (Высшая школа экономики), Алексей Кара-Мурза (Институт философии РАН), Александр Антощенко (Петрозаводский государственный университет), Серафима Никитина (Институт языкознания РАН) и другие.

И доклады, и обсуждения их красноречиво свидетельствовали о том, что и сегодня, спустя шесть десятков лет после смерти Федотова, его книги, чтатги, письма вызывают не академический, но совершенно живой, современный, деятельный интерес.

Это, впрочем, не новость: именно такой интерес вызывает выходящее в России с 1996 года двенадцатитомное собрание сочинений Г. П. Федотова. За пятнадцать лет выпущено девять томов. В завершение конференции состоялась презентация очередного, только что вышедшего тома — пятого. Дело в том, что выходят тома не «в порядке номеров». И причиной такой непривычной для подобных изданий «очередности» не только весьма различная длительность подготовки *хронологически* спланированных томов, хотя, разумеется, есть и это. Однако существеннее иное: просто издатель счел необходимым, так сказать, *внеочередно ввести в оборот* те сочинения Федотова, которые, будучи рассеянными в периодике и давно уже ставшими раритетами сборниках, многие годы оставались наиболее труднодоступными для читателей и исследователей.

Кстати — именно кстати! — в пору подготовки пятого тома обнаружился замечательный живописный портрет Федотова, написанный в 1930 году Татьяной Дмитриевной Логиновой-Муравьевой (1904—1993). Этим портретом том и открывается.

Как удалось узнать, художницу, с 1920 года жившую во Франции, связывали с Федотовым и его семьей многолетние дружеские отношения. И теперь надо бы выяснить судьбу ее архива: вполне вероятно, что там найдутся материалы, которые вполне уместны в собрании сочинений.

Подобные находки, можно сказать, сопровождают издание, как бы *примагничиваются* им.

Так случилось и с предлагаемым вниманию читателей докладом Г. П. Федотова, прочитанным в 1934 году на одном из заседаний Русского Студенческого Христианского Движения в Париже. И тогда же опубликованным в «Вестнике РСХД» — так, как был записан одним из слушателей. В архиве философа текст доклада не сохранился (да и неизвестно — был ли текст?). В составленной вдовой Федотова Еленой Николаевной библиографии его трудов эта публикация не упоминается.

Россия, Евразия, Византия

(Доклад профессора Г. П. Федотова — в записи одного из слушателей)

Наша эпоха снова ставит вопрос о месте России в Европе, как собирательной «христианской нации». Старый спор между славянофилами и западниками о том, идет ли Россия с Европой, или она идет путями отличными от путей Европы и даже против Европы, продолжается. И западничество, и славянофильство, казалось, исчерпавшие свои аргументы, возрождаются с новой аргументацией на основе пережитого исторического опыта. Это возрождение историко-философской рефлексии свидетельствует о том, что революция замкнула целый период русской истории — Петербургский — и замкнула так, что — по общему сознанию — «к прошлому возврата нет»: перед Россией — новая дорога, еще неизвестно куда ведущая. Отсюда естественно рождается раздумие, растет тревога, трагические недоумения о судьбах России, о сфинксе Русской истории. Мы спрашиваем себя — при резкости и радикализме в исторических переворотах — сохраняется ли единство русской души?

Не одна Россия знала эти крутые переломы национальной жизни, меняла свой духовный облик. Мы привыкли говорить упрощенно о чужой национальной душе, представляя ее более статичной. Но на наших глазах произошло перерождение великой нации: Германия — за сравнительно короткий период — пережила два перелома. Если судить о немцах по произведениям русских писателей начала и середины XIX века, — а они, конечно, не выдумывали, а писали с натуры — перед нами — тип романтика, идеалиста, человека, отрешенного от жизни. Потом — после революции 1848 года обозначились новые пути созидания Германской империи, Германии трезвой, реалистической, Германии Бисмарка и Лассаля, Германии, совершившей поворот «от Канта к Крупну». Из состояний романтической анархии возникла мощная индустриальная империя, мечтающая о мировом

господстве. Неудачная война 1914—1918 года, и Германия становится неврастеническим народом фантастов, одержимых бредовыми идеями. Но мы чувствуем, что новая Германия связана с Германией Бисмарка и Лассаля — так же, как Германия Бисмарка связана с Германией Фихте. Мы предполагаем, что метафизическое единство Германии сохраняется во всех этих переворотах. Это же верно и для России, которая не раз меняла свою историческую дорогу, но верим, сохраняла единство своей метафизической сущности.

Что же такое Россия, как историческое явление, и что такое русская историческая культура? На это, конечно, невозможно ответить точным определением. Но возможен другой, исторически более определенный подход к этому вопросу: мы можем искать историческое место России, отвечая не на вопрос о том, что есть Россия, а устанавливая ее духовную генеалогию (родословие) и определяя ее место в духовной географии христианских культур. Ответ на этот вопрос западников гласит, что Россия, поскольку она является культурной страной, есть страна европейская, причем Европа понимается в смысле Западной Европы. Этот ответ вводил Россию в семью западных народов, наряду со всеми другими, как одну среди многих. Опыт русской революции во многом подрывает западническую теорию, но все же окончательно ее не разрушает. Что можно сказать в защиту положения, что Россия является органической частью Западной Европы?

Мы, русские, никогда не утрачивали способности понимать Западную Европу, равно как и Европа способна понимать нас — между нами и европейцами устанавливается единство, какого нет между Китаем и Европой, между Индией и Европой. Достаточно указать на понимание и восприятие хотя бы русской литературы, успех Достоевского, Толстого. Толстой усвоен в полной степени; несколько поколений западных писателей на нем училось. О Достоевском позволено сказать, что он становится более европейским писателем, чем русским, так как сомнительно, чтобы будущая Россия жила Достоевским так, как жили мы. Все европейские писатели, художники и все духовные направления (за

исключением, быть может, французского классицизма) легко и свободно входили в русскую культуру. Общение в высших ценностях указывает на большое внутреннее единство. Западничество, следовательно, не легкомысленная ересь, а течение, отвечающее психологической и метафизической истине близости между Западом и Россией, опирающееся на факт взаимного понимания больших духовных ценностей.

Но все же остается фактом, что, вступая на путь Запада, Россия должна была порвать — и порвать резко и круто — с прошлым, должна была растоптать многие святыни и ценности, от которых не имела права отказываться, и которые мы с таким трудом восстанавливаем из-под развалин петербургского периода. Трудно даже представить себе, какой ущерб понесло философское и богословское сознание православия за последние два века. Мы облекали в католические и протестантские формулы содержание, по существу чуждое западному опыту; мы отреклись от традиций и древнерусского искусства. Соприкосновение с западной культурой сделало чрезвычайно трудным возрождение древнерусской традиции. В области философии, в области научного знания русская мысль в течении всего XIX века мучительно преодолевала традиции Запада, чтобы прийти к построению русской философии, не просто повторяющей древнюю философию, но отвечающей в чем-то основному древней эллинской традиции. Наше духовное и философское возрождение XIX—XX века проходило под знаком борьбы с Западом и возвращения к иным началам. Отрешиться от сознания этого факта мы не можем: как ни доступен нам Запад, как ни велико сознание единства, в самом основном и глубоком, мы чувствуем и расхождение с ним.

Но если Россия не просто входит в семью европейских народов, как ее составная часть, в чем своеобразие России, что объясняет ее неспособность вложиться в западно-европейскую семью? Ответы на эти вопросы были различны. В славянофильском ответе была органическая двусмысленность, сказавшаяся в самом наименовании — «славянофилов». Оно ставило ударение на языковом, даже расовом, природном

начале: Россия есть часть своеобразной семьи славянских народов, которая может и должна развивать свою культуру в противовес культуре романо-германской. Эта мысль у славянофилов осложнена другой: общеславянское не в том, что обусловлено общностью крови, языка, расы, а в том, что принесено славянам православием, что у них от православия. С этой точки зрения чехи и поляки, хотя и принадлежащие к славянской семье по крови, но не исповедывающие православия, являлись выпавшими из славянского единства. Таким образом в славянофильстве две идеи сплетались своеобразно — идея примата расы и идея примата греческой православной культуры.

Пример Польши показывает ложь упрощенного расового понимания: идея славянских народов сама по себе не способна обосновать глубокого единства, ибо славянство само раскололось, примкнув к двум религиозным и культурным мирам — восточному и западному. И расхождение между двумя его половинами не лингвистическое, не кровно-этническое — ибо одни и те же племена вошли в тело и Польши и Белорусии — а расхождение, порожденное различиями религиозно-культурными. Отказавшись совершенно от расового обоснования русской культуры, мы можем сохранить вторую идею славянофильства.

В годы, последовавшие за революцией, антизападническая тема с большой силой и блеском представлена евразийством — течением сродным славянофильству и вместе — и противоположным ему в обоих его тезисах.

Укажем в виде кратких положений положительные и отрицательные стороны евразийства. В чем правда евразийства? Прежде всего, конечно, в указании на большую легкость общения России с Востоком. Это — наш психологический опыт. Русские люди с трудом вступают в тесное, бытовое общение с Западом, должны быть все время настороже, держать себя в руках, воспитывать себя для этого общения. На Востоке же по существу, как будто бы в совершенно чуждой среде — ощущают себя легко, без усилий осваиваются с бытом. Легкость бытового общения с Востоком — Примеча-

тельный факт, от которого можно отправляться. При соприкосновении с Востоком обнаруживается далее большое сродство вкусов, близость мотивов орнаментального искусства, музыки. В восточных украшениях узнаем знакомые черты русского орнамента, русские луковки — главы церковей — неожиданно встречаются в зодчестве Индии и т. д.

Это сознание единства орнаментального стиля с Востоком охватывает русских людей при возвращении с Запада, — в своеобразии Москвы чувствуешь дали Китая, Индии. Это чувство поверхностно и быстро проходит. Современные лингвисты — евразийцы — Н. С. Трубецкой, Р. Якобсон — много сделали, чтобы установить общность звуковых законов в среде так называемой евразийской группы народов: звук «ы» присущий как русским, так и народам «туранской семьи»: масса слов туранского происхождения, вошедших в русский язык и т. д. Наконец, если обратить внимание на государственный строй древней Руси и Запада, различие оказывается весьма значительным.

Европейские государства преимущественно государства правовые, тогда как Московское царство носит явно выраженный восточный «служилый» характер: евразийцы говорят о монгольских корнях русского государства — видят в нем создание Чингисхана. Восточный тип государства прямая противоположность западному: это государство, лишенное момента свободы, утверждающее примат государственных целей над личными, государство с неограниченным вмешательством во все сферы личной жизни, однако же, проникнутое сознанием долга осуществления не права, но правды.

Эти черты подмечены евразийцами верно. Хотя еще Карамзин говорил, что «Москва обязана своим величием ханам», но до конца и всерьез связь русского государства с татарскими корнями не была исследована. Во всем этом евразийство имеет несомненные и большие заслуги. Есть у евразийства и политическая заслуга — оно пыталось заменить понятие русской или великорусской нации более широким и объемлющим («евразийская нация»). Евразийство — тече-

ние несомненно национальное по своему происхождению, но преодолевающее узкий национализм: евразийство делает русскую струю одной из многих в целом России, открывает место другим народам, живущим на территории России в качестве равноправных строителей русской культуры и государственности.

В чем же неправда евразийства? Коренная ошибка и неправда его в том, что своеобразие русской культуры констатируется им без отношения к той основе, на которой вырастает всякая культура — без отношения к основе религиозной. Между православной Россией и восточными, преимущественно магометанскими народами, входящими в состав Евразии, религиозно, казалось бы, нет ничего общего. Каким образом евразийцы, именующие себя православными и так много говорящие о примате религиозного начала — могут объяснить этот поразительный факт, что христианская нация оказалась менее связанной с другими (западными) христианскими нациями и более близкой к язычникам и магометанам.

На это евразийцы пытались дать два ответа. Один ответ — чисто натуралистический. Забывая о «бытовом исповедничестве», одни евразийские идеологи пытаются истолковать основы культуры натуралистически и говорят, что особенности русской культуры до конца объясняются природными факторами — географическим положением, свойствами почвы и т. д. Единство евразийского мира объясняется тем, что культуры, живущие в одних и тех же условиях, обнаруживают большую общность.

В таком истолковании генезиса культуры евразийство возвращается к натурализму XVIII века или к позитивизму Бокля (Данилевского), отрицающему религиозное восприятие культуры. Другое истолкование хочет сохранить значение религиозного начала и избежать натурализма. Эти попытки встречаются даже у тех философов евразийства, которые дают и чисто натуралистическое объяснение факта своеобразия русской культуры (князь Н. Трубецкой). Обращая внимание на религиозное своеобразие русского народа, они

объясняют это тем, что религиозная душа русского человека совпадает с религиозной душой народов Востока. Такое утверждение было высказано. Оно является явным вызовом христианству, как вселенской религии.

В московском православии, действительно, произошло своеобразное перерождение — на первый план выдвинулась обрядовая сторона, расцвел законнический момент. В этом отношении, по мнению евразийцев, установилась такая близость к магометанству, что в обряде, во внешнем выражении своей религиозной жизни русские православные и магометане предстоят пред Богом — пред своей святыней — одинаково: у каждого свой закон, своя правда, но переживания их, религиозный опыт — тождественны. Для обоснования этого взгляда евразийцам пришлось стилизовать московское православие, изгнать из него все мистические связи с Византией и с тем, что было самого глубокого и мистически значительного в древней русской мысли и жизни. Все другие грехи евразийства оказываются более легкими и простительными по сравнению с этим основным грехом. Евразийство берет от русской истории только Москву: считая началом русской истории момент завоевания Руси монголами, оно ставит крест над Новгородом и Киевом, т. е. вычеркивает из русской истории наиболее блестящие и культурно-значительные эпохи, завещавшие Москве все ее духовное богатство — иконографию, письменность, самую святость.

Тот же грех совершают они и перед Петербургом: подчеркивая явления упадка, связанные с духовными влияниями Запада, и забывая, что именно в Петербурге впервые за тысячелетие расковано русское слово. Каким образом Россия — изживая, якобы себя — могла произвести Пушкина, Гоголя, Достоевского, Толстого? Вопрос остается без ответа.

На имени Достоевского следует остановиться: евразийцы относятся к нему с прямой ненавистью. Из наследия XIX века они принимают Лескова, принимают Толстого, но не могут принять Достоевского. Исторические построения русской культуры, не могущие вместить в себя Достоевского или Толстого явно односторонни, являются слишком узкими кон-

цепциями русской истории. Евразийцы слишком много выбрасывают за борт для того, чтобы сохранить стилизованную Москву. Если русская культура будет создаваться в тонах евразийства, — она будет культурой в шорах, культурой в колодах.

Как совместить правду и неправду евразийства? Русская действительность предстоит перед нами в очень сложных взаимоотношениях с Востоком. Вначале Русь вступает в борьбу с Востоком (борьба Киевской Руси с кочевниками, со «степью»), в борьбу за Христа, против язычества, против Ислама, но в этой борьбе, даже внешне побеждая, Россия иногда оказывалась побежденной внутренне: плененность Востоком — сопутствующий момент русского крестоносного служения. Это участь не только России — Западный христианский мир, борясь с Востоком, тоже не мог удержаться от восхищения перед Востоком: рыцари-крестоносцы приносили на Запад арабские вкусы, искусство, науку, даже арабские ереси.

XVI век в истории России был временем особого затопления восточными элементами. Татарские выходцы, даже некрещенные, входят массами в состав служилого дворянства, проникают в придворные круги, восточная утварь заполняет боярский быт, как западная в следующий — XVII век: приемы иностранных послов происходят по церемониалу, заимствованному у татар, соколиная охота создается по персидским образцам. Отгородившись от Запада непроходимым барьером, Россия смотрела на Восток: Восток — от ближайших к России ханств до пределов Индии и Китая, — был привычным миром России, в котором она должна была ориентироваться, с которым должна была сблизиться, хотя и завоевывало его шаг за шагом.

Эта ориентализация России евразийством подмечена верно, но только с тем ограничением, что она относится к сравнительно недолгому периоду русской истории, длившемуся всего около полутора веков. В XVII веке Россия поворачивается лицом к Западу. Именно на Западе — через Польшу — она ищет утраченных основ духовной культуры и даже пытается с помощью Запада достичь осмысления

своих религиозных ценностей (Киевский период русского богословия). От Евразийского Востока возвращаемся к теме Византии, намеченной уже отчасти, как мы видели, славянофильством. Славянофилы уже говорили, что вся ценность русской культуры объясняется тем, что она выросла на почве Византии (а не Рима).

Можно утверждать, что именно в византийском происхождении русской культуры ключ ко всему ее своеобразию — и вместе с тем — к ее двойственности, к ее открытости и для Востока и для Запада. Византия представляет органическое, глубокое соединение эллинизма с восточными элементами. Политически Византия есть продолжение греко-римской империи. Византия в своей основе, как и греко-римская империя, была эллинистической: ее языком был язык греческий; она унаследовала культурные традиции эллинского мира. Но вместе с тем она восприняла много элементов Востока, — особенно со времен Диоклетиана, — она настолько ориентализировалась, что даже идет спор, нельзя ли ее считать чисто восточным миром.

Но несомненно, что основной ствол Византии — преемницы греко-римской империи — греческий. Византия — это ориентализированный эллинизм, но все же эллинизм. И не случайно, что она сохранила самое основное — греческий язык и сохранила его — по сравнению с классическим языком — в несравненно более чистом виде, чем средние века — латинский язык по сравнению с классическим языком Рима. Степень ориентализации различных сторон жизни и быта в Византии была не одинакова. Наибольшей ориентализации подверглась политическая жизнь. Старые гражданские свободы, широкое развитие свободных городских общин — государств (*polis*) уступили место восточной бюрократической централизации.

Государственное Византийское сознание носит определенно экуменический (*ekooumenh* — вселенная) характер. Византийская империя — в идее — универсальна — все христианские периоды должны войти в ее состав. Если Запад обособился, то — это с точки зрения византийского сознания, —

недолжное сознание, проявление бунта. На русских князях — после принятия Русью христианства — византийские императоры смотрят как на своих вассалов. В этом — традиция римского универсализма. Переходя к явлениям духовной культуры, необходимо отметить, что ориентальные мотивы и приемы сильны в византийском искусстве; в этом отношении есть разительная противоположность между эллинским и византийским искусством. Но все же — эллинские традиции никогда не умирали, и их жизненность и сила обеспечивали возможность известных ренессансов византийского искусства в смысле оживления в нем эллинских мотивов.

В области мысли философско-богословской — восточные влияния были очень слабы — философская мысль Византии живет наследием Платона и Плотина, впрочем и Аристотеля. Не умирает также изучение Гомера, греческих трагиков. Если Византию определять, как ориентализированный эллинизм, а Рим, как романизированный эллинизм, то эллинизм и есть общее место, роднящее Запад и Восток. Именно через эллинизм, воспринятый Россией вместе с византийской культурой, Россия имеет общее достояние с Западом. Отсюда возможность понимания даже чуждого нам римского юрицизма. Отталкиваясь от крайних его выражений, мы понимаем значение права, потому что за этим правом стоит эллинская мысль, и мы находим с Западом общий культурный дом на почве дохристианского эллинизма. Утверждать это еще не значит утверждать, что Россия просто продолжает Византию или занимает по отношению к ней положение покорного ученика. Сказать это о России так же нельзя, как нельзя и о Западе сказать, что он есть продолжение Рима. Между современными культурами и культурой римской лежит целый ряд исторических поворотов: нередко национальные сознания новых народов определяли себя, как антиримская — как, например, германское. Но вместе с тем мы знаем, что все западные культуры — дети Рима, хотя иногда и непокорные дети.

Наши отношения к Византии, быть может, подобны отношениям германской культуры к Риму. Это отношения борьбы, но без утраты основного единства. Взять, хотя бы, например, отношение к Византии первых русских крещенных людей. Они все получили от Византии, но вместе с тем они и отталкиваются от Византии: «Суть же греци льстиви даже до сего дне», — характеризует греков Нестор. Русь, получив веру в Византии, утверждает свое особое религиозное призвание «работников, пришедших во единонадесятый час», канонизирует русских святых вопреки воле Византии. Отношения Руси к Византии — очень сложны. Пытаясь охарактеризовать своеобразие Руси по отношению к Византии, легко впасть в известную вульгаризацию и упрощение. Но все же — попробуем указать некоторые отличительные черты. Прежде всего следует отметить дух свободы, несомненно сказывающийся и в политической жизни древней Руси, свободы, напоминающей европейский феодализм. Этот дух свободы, утраченный в Москве, мы ощущаем в жизни Российской империи, если не в сфере государственной, но в сфере духовной, в творчестве интеллигенции. Культуры Киева, Новгорода, Петербурга — культуры свободы, а не культуры восточного деспотического типа.

Второе — при изучении религиозной жизни древней Руси, поражает то, что можно назвать православным евангелизмом — открытие (еще в XI веке) человеческого образа Христа, Христа уничиженного, — страждущего, а не прославленного, и стремление воплотить в жизни, в святости «кенозис» (вольное уничтожение, «истощание») Христа, стремление подражать Ему в этом отношении. Юродство есть одна из форм русского «кенозиса». Эта основная устремленность проходит через всю историю русской души, и живет — как это ни покажется странным — даже в безбожной русской интеллигенции.

В области эстетики мы, несомненно, чрезвычайно многим обязаны Византии. Однако в сознании России всегда существовало ощущение противоположности между пышностью барочного декаданса византийского искусства и простотой

христианства. Это требование простоты, с такой силой сказавшееся в Пушкине и Толстом, простоты, которой мы не находили в византийской культуре, построенной на позднейшем эллинизме, бывало порой — при непонимании известной законности барокко — даже губительным для нас, отрывая, как, например, Л. Толстого от церкви, но вместе с тем — требование простоты — черта дорогая нам, от которой мы не можем отказаться. В Москве происходит осложнение нашей связи с Византией. В Москве наблюдаем двойной процесс ориентализации — чрез усвоение начал Византии и вместе с тем — сильных влияний с Востока. Эта двойная ориентализация — оказалась чрезвычайно опасной для русской души. Опыт Москвы показывает, что ориентализация в таких дозах может быть смертельной — привести к утере русской культурной живой силы религиозного чувства, а потом и к омертвлению всех тканей культуры.

Создавать культуру, строить государство в формах Востока Русь не могла. Отсюда — естественная неизбежность и жизненная правда реформ Петра. Петр через соприкосновение с Западом воскресил древние начала русской жизни, хотя и ценою необычайных трудностей. Благодаря этому XIX век — величайший век в истории России, когда она впервые за все время своего бытия заговорила полным голосом, дала миру то, что могла дать — св. Серафима Саровского и Пушкина.

Стоя на почве XIX века — этого русского классицизма, можно возвращаться и к Византии, и к древней Греции. Это основная линия — чрез Византию — к Греции. С этой большой дороги мы можем делать экскурсии и на Восток и на Запад, можем воспринимать и перерабатывать элементы Востока и Запада. И в этой творческой переработке элементов двух миров — может быть — и заключается своеобразие исторического призвания России. Запад усомнился ныне в основах творимой им культуры. Запад обращается к Востоку, и перед ним стоит угроза затопления Востоком. Может быть, Россия, пережив все опыты отравления и Востоком и Западом, окажется более свободной, более здоровой, окажется

подлинным центром между Римом и Пекином, Римом и Бенаресом.

Восток и Запад готовы вступить в бой. Россия должна сохранить независимость в этом столкновении. Ее призвание — крестить Восток и быть посредницей религиозного просветления Востока христианством.

В этом своеобразии исторической миссии России.